

государственного центризма к гражданскому центризму и его информационной составляющей.

Ключевые слова: информация, право на информацию, свобода индивида, гражданское общество, государство.

Zaduvailo O. Theoretical foundations of the humans right to information from administrative management until civilcentrism.

The article examines the establishment of the human right to information at different historical stages. Also analyzed political and legal concepts of philosophical views of the interaction between society and the state, transformation management model from administrative management until civilcentrism, and its information component.

Keywords: information, the right to information, freedom, civil society, politics, law.

Шедяков В.

**МЕСТО ФЕНОМЕНОВ КУЛЬТУРЫ В ПРОЦЕССАХ
АНТРОПОСОЦИОГЕНЕЗА И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
СОЦИЕТАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ**

Рассмотрены особенности, возможности и ограничения действия различных факторов социогенеза под давлением традиционного, современного и постмодерного состояния культуры. Проанализировано формирование под влиянием базовых ценностно-смысловых комплексов соотношений между субъективными и объективными, рациональными и иррациональными факторами осуществления культурно-цивилизационными мирами исторических Выборов. Духовные и материальные ценности цивилизации рассмотрены как основное содержание культуры. Их развитие проанализировано как показатель состояния культурно-цивилизационного мира; а место человека (прежде всего, качество и продолжительность жизни, права и возможности творческой реализации каждого), с одной стороны, сохранение и наращивание признаков цивилизованности, с другой, – как основные критерии прогресса. Применительно к чертам активного меньшинства социума изучены характеристики субъектности общественных трансформаций. С этих позиций рассмотрены содержание регулятивных воздействий управленческой элиты, ее адекватности вступая перед обществом задачам.

Ключевые слова: ценностно-смысловые комплексы, культура, социогенез.

Культура – сложное многоаспектное понятие, разные стороны которого с успехом раскрываются представителями различных

научных школ, подходов и исследовательских стилистик. Например, был изучен потенциал и различия в соотношении культуры общества, группы и индивида; материальной и духовной; политической, социальной и экономической сферах жизни [1-5]. Социогенез включает в себя качественно различные процессы резонирования разнообразных факторов: каждому из них присущи свои специфические внутренние закономерности развития: прогнозируемые и непрогнозируемые; стихийные и целенаправленные; уникальные и стандартные; случайные и закономерные; неуправляемые, самоуправляемые и управляемые; циклично-волнообразные и необратимо-поступательные (как прогрессивные, так и регрессивные). При этом развёртывание культурно-цивилизационных миров под влиянием их ценностно-смысловых комплексов знало разнообразные периоды своего развития [6-12]. В них разные исследовательские школы выделяют, в соответствии со своими подходами и научными задачами, различные особенности и движущие силы, этапы, фазы, ритмы, волны и циклы и проч.

Активное направленное исследование значения культуры в процессе социогенеза велось с момента выделения науки о формировании и развитии общества, создавая условия для накопления знания о возможном и неотвратимом, помогая создавать, видеть и использовать шансы. При этом значение соотношения рациональных и иррациональных, объективных и субъективных материальных и духовных факторов социогенеза воспринималось неоднозначно. К примеру, под влиянием религиозного истолкования картины мира соотношение закономерного и случайного рассматривалось в контексте божественного предначертания и предопределённости человеческой активности. Вместе с тем, если в рациональном начале часто виделись целенаправленность и сознательность, а в его результатах – отражение закономерности, то с иррациональным связывались случайности, отклонения от «столбовой дороги истории».

В наше время в изучении факторов и процесса социогенеза весьма преуспели, в частности, такие исследователи, как В. Андрущенко, В. Бех, В. Вазюлин, В. Василькова, И. Барыгин, Л. Бурмистрова, В. Быченков, А. Зарубин, В. Келле, М.Я. Ковальзон, А. Кравченко, П. Романов, С. Труфанов, И. Черникова, В. Фофанов, В. Ядов, И. Яковлев, Е. Ярская-Смирнова. Для задач нашего анализа особенно ценным являются результаты изучения С. Аверинцевым, Д. Лихачёвым, А. Лосевым, В. Межуевым, И. Мелиховым, С. Франком.

Не только ценности качественного образования, медицины, культуры и искусства выше среди преуспевших народов и семей, но и акцентирование самих этих ценностей помогает в форсированном становлении и более справедливом распределении общественного богатства, обеспечении прогрессивной социальной и индивидуальной мотивации. Безусловно, социальный уровень информационных воздействий изучается давно, в том числе – с позиций стимулирования как позитивных, так и негативных общественных мутаций. Ценности по своей природе как раз и являются личностным срезом общественного сознания, раскрываясь через познание идеального, духовного, общекультурного.

Во времена концентрированных изменений жить приходится по новым, не до конца сформулированным и понятным правилам. При этом снижаются возможности продуктивно опираться на десятилетиями накопленную мудрость и апробированные рекомендации. Так что представляется вполне естественным, что для повышения качества научных исследований, прогнозирования и создания конструктивных рекомендаций происходящие глубинные перемены заново возвращают к диалектике содержания и предметно-вещественных и общественных форм социально-экономических трендов, требуют нового прочтения путей методологической оптимизации, раскрытия соотношения сущности и видимости хозяйственных феноменов, поисков социокультурных оснований экзогенного экономического развития.

Очевидно, что в глобальных масштабах условия формирования новых траекторий настоятельно требуют принятия адекватных логике истории личностных Решений и общественных Выборов, в определённости которых и выявляется заново как качество жизни людей каждого культурно-цивилизационного мира, так и место конкретной страны среди прочих. По мере же осуществления социально-экономического и технико-технологического прогресса люди всё в большей степени раскрывают свои качества как отнюдь не только потребители привычных природных и общественных благ, но и творцы условий своего существования. Соответствующим образом, конкурирующие программы изучения и преобразования мира материальной и духовной культуры не только предоставляют ресурсно-методологические базы, но и формируют цели социально-экономического развития. Смыслы жизнедеятельности: человеческой и культурно-цивилизационных миров – определяют направленность, темпы, формы и очередность трансформации их конкретных характеристик, но сами проявляют себя как сторона ценностного

восприятия окружающего мира. С этой точки зрения духовные отношения и социокультурная сфера – вовсе не «надстройка», а именно стержень экономики.

Условия (пост)модерна лишают опоры на доминирование привычных ресурсных и методологических баз, ставших обычными общественных устоев, а теперь уже и природной данности: они сами испытывают мощное влияние человеческой ойкумены, да и каждый отдельный человек в процессе жизни в состоянии достаточно легко сменить конкретную пространственно-временную нишу. Ситуация пост(недо)модерна кардинально трансформирует роль культуры в жизни как отдельных культурно-цивилизационных миров, так и для результатов их полилога, её инструменты: глобализация, виртуализация, атомизация и проч. – обеспечивают стабильную нестабильность социальной и природной среды. Человек вводится в состояние постоянного выбора – или готовности к отказу от него в пользу стереотипов потребления материальных и духовных благ. При этом и сама культура создается уже отнюдь не для узкого круга, а, напротив, испытывается «на излом» вероятностью самых причудливых контактов. И человек получает широкие возможности взаимодействия (прежде всего, за счет «новых медиа») с самыми разными собеседниками. Многослойность и контрастность бытия поразному складываются в многоуровневые пути социогенеза, за которыми проступают очертания процессов, жидущихся на сочетании архаического уровня социальности (фольклор, этноосмысление, религиозные отличия) с осевыми (опосредование миропонимания великим священнослужителем и отнесением себя к одному из культурно-цивилизационных миров), модерными и постмодерными моделями.

Скользящие сочетания хаоса и порядка даруют всё новые комбинации состояний и диапазоны возможностей развития Украины. И когда-то казавшиеся незыблемыми общественные устои (как и природные ландшафты) все в большей мере требуют защиты. История выработала некоторые не всегда очевидные закономерности течения процессов, в которые мы вступаем. В частности, соответственно теории Джозефа Овертона, интервал идей, которые могут в каждый определённый момент приемлемы обществом, и которые, в результате, только и высказываются открыто политиками, не желающими репутации экстремистов, может характеризоваться как окно возможностей, по мере приближения к центру которого идеи последовательно проходят стадии немыслимых, радикальных, приемлемых, мудрых, популярных, официальной политики. Их учёт необходим для успешного использования ресурсной базы с целью

контрманипулирования, организации воздействия для стабилизации и развития устраивающих тенденций, а также трансформации (локализации, ликвидации, переключения) нежелательных трендов и предостережения соскальзывания вдоль них. Причем в существенной степени, по общему правилу, знание их может с лихвой компенсировать отсутствие полноты информации. Вместе с тем, мы живем в период кардинальных трансформаций общества, всей ойкумены, их перехода в иное качество – что дарует шанс осознать некоторые закономерности мира, уточнить представление о своём месте в нём. По известному мнению, «только в так называемых переходных эпохах можно опытному уху подслушать таинственный рост истории» [13, 315]. В этой ситуации задача статьи – рассмотрение культуры как фактора социетальных трансформаций.

Выделение самостоятельных первичных ценностно-смысловых комплексов отдельных культурно-цивилизационных миров было зафиксировано, в первую очередь, в «осевое» время с развитым формообразованием и воплощением в сакральных текстах особенностей своего мировосприятия, выделением фольклора, языка, этноосмысления, религиозных отличий, что дало возможности уже не на племенном, трайбалистском уровне, а на более общих основаниях разграничивать своих и не-своих. В этой ситуации в эволюции растет роль факторов неэкономических, прогресс осуществляется не столько стадияльно (диахронно), сколько синхронно, привычные классовые антагонизмы часто подчиняются, дополняются и замещаются иными: социальными, этническими, религиозными.

При этом в процессе социогенеза происходит не только трансформация роли элементов и целостности ценностно-смысловых комплексов, но и их обогащение/взаимообогащение. Таким образом, духовные и материальные ценности цивилизации – основное содержание культуры. Их развитие – показатель состояния культурно-цивилизационного мира; а место человека (прежде всего, качество и продолжительность жизни, права и возможности творческой реализации), с одной стороны, сохранение и наращивание признаков цивилизованности – основные критерии прогресса. Причём фиксация достижений культуры на осях стоимостного и ценностного содержания позволила развиваться деятельности и ценностному подходам их освоения, соответственно – стоимостно-праксеологическому и ценностно-аксиологическому направлениям их изучения. Вместе с тем, из каждого вида модели (традиционной, современной, постмодерной) развития конкретный культурно-цивилизационный мир может получить свою конкретику

соответственно как глубинным пластам своих ценностно-смысловых комплексов, так и осуществляемой динамике своей трансформации [14-24].

Не менее значимой была роль мифа в восприятии и освоении предметов материальной и духовной культуры. Впрочем, подмечено, что раскрытие природы мифа – не столько в объяснении при его помощи природы, сколько в «переносе в обобщенном виде на природу и весь космос чисто человеческих отношений в определенный период человеческой истории» [25, 458]. С развитием же практики (в том числе – интеллектуальной) наука создает предпосылки для рационального освоения действительности. Однако, вплоть до Нового времени наполнение духовностью связывается, по преимуществу, с религиозными практиками. Впрочем, соотношение разума и веры, науки и культуры, возможности целенаправленного влияния на течение исторического процесса, закономерности социального времени, роль объективного и субъективного, рационального и иррационального факторов социогенеза, по-разному раскрывалось адептами разных подходов, например, энциклопедистами, сторонниками шотландской школы и классической немецкой философии.

Между тем, интеллектуальная культура (и одно из ее высших воплощений – культура научная) – сегодня не просто феномен культуры. Именно реализация и развитие научно-интеллектуального потенциала становится по мере роста объема и значения информационного обмена мощнейшим фактором жизни общества, партнерства и конкуренции культурно-цивилизационных миров. А информационная конкуренция, в свою очередь, выступает определяющим результат условием их диалога. Соответственно, отстраненность в восприятии мифических интерпретаций и направленное их распространение (как индивидуальное, так и социальное) резко расширяет диапазон возможностей информационного манипулирования.

На разных этапах своего развития ценностно-смысловые комплексы культурно-цивилизационных миров трансформируются, формоизменяются. Критерий общественного прогресса, таким образом, по самой своей сущности должен быть конкретно-историческим, то есть сложным, комплексным и целостным, должен проникать во все важнейшие стороны социального развития и отражать изменение как качества жизни и возможности творческого раскрытия отдельной личности, так и нарастание «культурно-цивилизационного слоя», увеличение плотности «социального

полотна», «социальной ткани». Только тогда он позволяет устанавливать действительное место того или иного социального явления в истории, обнаруживать истинное соотношение динамических изменений в обществе. И только тогда он может рассматриваться в качестве универсального для данных исторических условий.

В частности, ни один ценностно-смысловой комплекс при свойственном постмодерну разнообразии моделей социокультурного антропогенеза не может рассматриваться как единственно приемлемый для человечества. Подходы постмодерна связаны не с попытками навязать свою модель социогенеза (как при модерне), а с согласием на развертывание особенностей ценностно-смысловых комплексов различных культурно-цивилизационных миров. Новая парадигма – это жажда свободы (хоть не всегда – способность к свободе, отсюда и опасность тотальной маргинализации общества). Переход к основаниям свободы есть одновременно и отказ от единственности базиса, и утверждение всеобщности плюрализма. Нет принуждения, и никто никому ничем не обязан. Исчезает понятие периферийности той или иной культуры: все – равноценны и равноправны. Гуманность, человечность признается выше всех и любых доктрин: основной регулятор – закон «не мешай». И в этом направлении разрешается основная проблема постмодерна: если аутсайдерство – норма с необъятным диапазоном собственных моделей социогенеза, а вовсе не отставание на общей (единой для всех) дороге, то люмпены, маргиналы (люди и страны) имеют право на собственный выбор – пока не покушаются на выбор других. В этой связи и содержание понятия «развития», «прогресса», «социогенеза» нуждается в обновлении: помимо стабильного и сбалансированного роста оно должно ориентироваться на такие этические ценности, как солидарность, свобода выбора, терпимость.

Одновременно страны, которые демонстрировали высокие показатели всех сторон социального общежития, как правило, основывались на широком объединении усилий различных слоев населения на задачах гражданского согласия и формализации социальной активности. Предпосылкой для этого выступает слом административно-бюрократического панциря, преодоление милитаристского окостенения, глубокие демократические преобразования, позволяющие широким кругам народа участвовать в выработке общественно значимых решений, в развитии и осуществлении гражданами своих дарований при формировании государственной политики. Важным оказывается умение государства

удерживать баланс решений между интересами экономически «сильных» и «слабых», лидеров и аутсайдеров, готовность предотвращать произвол и ошибки своих представителей и создавать среду, поддерживающую позитивные инновации и предотвращает негативные. Это, собственно, и характеризует формирование собственной модели успеха как обновление общественного каркаса реализации базовых ценностно-смысловых комплексов нашего культурно-цивилизационного мира.

Так реализуется соотношение устойчивости и изменчивости, цивилизации и личности. Присвоение объектов прошлого труда становится и освоением культурного поля в целом, приращением всей социальной ткани [26-31]. Этот процесс волнообразного (спиралевидного) развития социальности суть процесс развёртывания циклов развития культурно-цивилизационных миров. Причем если в привычном варианте реализация ценностно-смысловых комплексов осуществлялась в модели заведомо целостной социокультурной системы, то формирующаяся мультикультурная несистемная социальная целостность – объект конгломератный, мозаичный. Первая конституировалась социально-личным началом, вторая – организуется индивидуально-психологическим уровнем. Первая допускала приоритет иерархичных организаций и неравенство разных частей и, вторая – предполагает нормативность равенства элементов и гармонии, отсутствие предварительно установленного масштаба и шаблона. Если социальная система завершает историю социально-личной эпохи, то несистемная социальная общность открывает эпоху индивидуально-психологического развития. Однако в настоящее время эти отличия не абсолютны; в период трансформации общества их черты налагаются и пересекаются. Социальная система становится особым типом системного объекта, образованным не атомами-ингредиентами, а социальными связями. Соответственно, именно мультикультурная основа ложится в основу новых моделей глобального управления, формируя отторжение попыток принуждения, культуртрегерства, навязывания.

В результате сами социальные образования выступают особыми типами объектов, создаваемыми не атомами-ингредиентами, а связями, которые имеют вероятностный, стохастический характер. Их детерминация, зачастую, не причинна, а синхронна. Причинность и вообще отнюдь не обязательный атрибут природы и общества. С усилением же этно-культурных и духовно-психологических начал это замечание имеет все большее значение. Попытка же переноса удобных формул представления сознанием социальной реальности заведомо

обедняет и упрощает ее картину и абстрагирует от существенных моментов.

В целом историческое соревнование выигрывали государства, опирались на традиции и находки, устойчивость и способность к поиску, широкое заимствование и культивирование специфических особенностей. Вместе с тем, безусловно, каждый этап социальной эволюции открывает (наряду с другими) и потенциально оптимальный сценарий, который часто отвергается при самом деятельном участии прогрессивных сил (жаждущих прищипорить исторический процесс). Избранный в результате скачкообразный путь становится дорогой потерь и разочарований или в виде объективно неизмеримо худшей модели того же эволюционного развития, или в качестве самой революционной ломки всего оставляет за собой пожарища и раздор. Тогда как «тихоходные» народы спокойно проживают в то же время очередные этапы трансформации, уходя далеко вперед и сохраняя ресурсы. Время изменило ресурсную базу эволюционных и революционных измерений исторического процесса, проведения трансформаций и обеспечения общественной стабильности. Вместе с тем, для обеспечения высокого уровня манипулируемости элит рассудительная лояльность критически оценивающих происходящие процессы личностей заведомо проигрывает нерассуждающей верноподданности и безоговорочному прислужничеству, позволяя творчество и созидание исключительно в формах, предоставляемых глобальными стереотипами. Даже характер противостоящих сил гражданской войны стал другим; оплотом путчей стали кочующие из страны в страну банды наёмных ландскнехтов.

Можно констатировать, что появление «турбулентных завихрений» в истории, революций, объективно – как объективны и реформы. Другое дело, что самый дух революционности и качество локомотива истории давно перешло к отношениям другого плана, и попытки диктатуры любой группы в среднеразвитом обществе становятся регрессивными, контрпродуктивными. Извечный подход: «закономерность исторического явления обратно пропорциональна его духовности» – обретает новое содержание в период глобальной трансформации, где перемежаются, взаимно резонируют и ограничивают друг друга самые противоречивые тенденции и ни от одной из них нельзя абстрагироваться без ущерба для анализа. Разумеется, торможение назревших изменений таит потенциальную угрозу деградации общества, его производительных сил. Но верно и другое. «Победоносные», кровеобильные и воинственные революции часто грешили с столь решительным расходом всех ресурсов и

перенапряжением нации, что это именно за их стремительным продвижением следовал радикальный отход, а порою и резкое усиление тенденций дестабилизации (и дезинтеграции) общества. Внешне неэффективные (зато эффективные) «компромиссные» модели напротив порой обеспечивали плавную преемственность исторических процессов.

Процессуальность постсовременной реальности, безусловно, очень сложна, попытки насильственно ее унифицировать, втиснуть в прокрустово ложе норм и стандартов какой-либо одной цивилизации заведомо обречены на бесплодность. Зачастую, идейная стойкость, наличие передового мировоззрения и прогрессивных убеждений, осознанность интересов акторов исторического процесса оказывается столь же значимым параметром общественных трансформаций, как и обостренность чувств части социума, импульсивность и впечатлительность. Возможность и умение ощущения (и предвосхищения) логики происходящего, отзывчивость на назревшие общественные запросы и потребности позволяет состыковывать формы реализации фундаментальных и актуальных пластов социальной практики, опираться на объективные и субъективные предпосылки изменений, сочетать воздействие рациональных и иррациональных факторов. Вопрос о границах возможного и целесообразного управления становится решающим: иной подход грозит обернуться чередой личных несчастий и общественных бедствий. Автоматы координации и самоуправления в неявном виде содержатся в самой социокультурной структуре, а вовсе не имплантированы в нее неким демиургом насильно. Управление вообще неотделимо от системы и никакая бригада менеджеров не является сепаратным блоком управления. При взаимодействии в структуре культурно-цивилизационного мира тысяч индивидов происходит спонтанная самоорганизация, самонастройка и самосохранение порядков, традиций, ценностей и смыслов, осознать которые во всей полноте немислимо и сверхзадача которых – воспроизводство и восхождение целостности. Социокультурная целостность потому и выживает, что нельзя ни при каких обстоятельствах контролировать её полностью и централизованно. Это, впрочем, совсем не отрицает пользы от применения ресурсной базы и планирования, и управления, и централизации, наряду с самоуправлением и децентрализацией. Вместе с тем, ограничиваются возможности эффективного государственного вмешательства в частную жизнь населения, определяются грани оптимизации

публично-приватного сотрудничества в реализации исторических процессов.

Процесс социогенеза переносил исторические акценты от модели социально-экономической системы, формирующей национальные государства, к социокультурной целостности, тяготеющей к децентрализованному объединению. Соответствующим образом трансформируется и историческая продуктивность социальных образований, меняется эффективность признаков открытых и закрытых образований. Культура создается уже не для узкого верхушечного слоя общества, а для всех. В ней формируется возможность и множества своих локальных пространств, и самых разнообразных контактов и пересечений. Объективируется социальная потребность в запрете на насильственное манипулирование инновациями даже аутсайдерского типа, на разрушение даже контркультурных логик: новая эпоха создает культурные миры, где есть место всем. Творчество становится не только идеально всеобщим, но и реально всеобщим фактором социогенеза. При этом обеспечивается ресурсный потенциал диапазона более гибких и мягких реакций на наличие аномальных социально-экономических явлений и периферийных культур. Закрепляются принципиально разнородные структуры. Многие же социальные тенденции все еще только формируются, другие трудно распознать в море прежних закономерностей и уходящих фактов. А внутренние ценности и глубоко индивидуальные смыслы, подходы и взгляды численно небольших групп могут в этот момент приобретать дополнительное звучание на макроуровнях общества, а то и агрессивно навязываться всем.

На пороге постсовременности в эволюции возрастает давление факторов неэкономических, недирективных, «тихих», а развитие струится не столько стадийно (диахронно), сколько синхронно; где привычные антагонизмы дополняются и подавляются противоречиями социальными, этническими, религиозными. Соответственно, при разнообразии путей социогенеза борьба за возрождение ценностно-смысловых комплексов своего культурно-цивилизационного мира прямо и непосредственно оказывается в числе высших приоритетов социума. Так же, как и ресурсы ее воплощения: культура, идеология, наука. И, особенно, образование, сущность которого – не культуртрегерство или натаскивание обрывков знаний, а именно образование личности, ее созидание (самосозидание).

Соответственно, возрастает мощь косвенной рекламы, мер из арсенала стратегии не прямых действий, мягкой силы, гибкой власти и

т.п. в реализации соскальзывания общества соответственно приближению центра «окна Овертона» при стимулировании желательных трансформаций [32-35]. Например, использование окна Овертона объясняет технологии манипуляции сознанием общества для постепенного принятия им ранее чуждых идей. Желательные ментальные изменения при этом разбиваются на несколько последовательных шагов, каждый из которых не выводит из текущего положения окна, сдвигая восприятие идей лишь на одну стадию, а общепринятую норму к его границе. Это вызывает последующий сдвиг самого окна, которое должно расположиться так, чтобы достигнутое положение снова оказалось в его середине, что и даст возможность совершить следующий шаг, не выходя из параметров окна [36-44].

Причём именно ценностно-смысловые комплексы культурно-цивилизационных миров, переходя в матрицы ментальных кодов народов, влияют на состояние и вектор трансформаций эмоционального интеллекта общества, определяют общественные предпочтения, поведение и исторический выбор. Соответственно, на их основе появляется возможность как уточнить модель развития так и выстроить более органичное представление о желаемом. Вместе с тем, например, за счет использования формируемых вокруг ценностно-смысловых комплексов мифо-символических конструкций, удастся эмоционально окрашивать интерпретации происходящего, предвосхищать выбор, обходя существующие самозапреты и интеллектуальные ограничения.

Однако возможности существуют только для тех, кто в состоянии (имеет адекватные качества) их выделить и воспользоваться ими. Оптимизация стратегии дальнейшего развития страны следует, прежде всего, из представлений об отечественном выборе своей перспективной ниши и конкурентоспособной в мире жесткой «гиперконкуренции» моделей развития. Таким же образом на базе ведущих ценностно-смысловых культурно-цивилизационных комплексов народа корректируются и формы обеспечения продуктивного социального согласия. Соответственно, из понимания задач рождается расстановка приоритетов в оптимизации средств, предпочтительных направлениях науки, образования, промышленности, трансформации комплекса регуляторной политики, методологии и ресурсов ценообразования.

Социальная память и вообще структурно неоднородна, избирательна и тенденциозна, включает разные ценностные (профессиональные, урбанистские, общенародные и др.) ориентации.

Она циклична и сочетает в каждый данный момент интерес к отдельным периодам прошлого с забвением прочих. Она динамична (уже сегодня отношение к историческим персонажам и государственным образованиям различно у людей старшего возраста и подростков) и склонна к символизму. Характерно, что именно отбирается народом для своей самохарактеристики и закрепляется в веках. Глубина освоения и влиятельности социальной памяти во многом определяются состоянием культуры масс, характером и особенностями ее субъектов и объектов, социально-экономическим положением общества. Среди способов стимулирования желательных трансформаций – имитация беспристрастного научного исследования; приведение прецедентов принятия чуждых идей; имитация борьбы радикальных сторонников и противников идей с «умеренными» сторонниками, на чью сторону привлекаются симпатии общества; создание эвфемистических названий неприемлемых идей и проч.

Таким образом, для успешного проведения своей очередной модернизации и эффективного использования социального творчества как ее важнейшего фактора, регион должен культивировать механизмы не «обязывать», а увлекать, заинтересовывать. Соответственно, для организации форм информационной активности необходимо определиться с ее направленностью, каналами, объектами и субъектами. Необходимость перехода от привычного ранее администрирования к инновационно-синергетическому управлению ведет при этом к замене «жестких» социальных технологий «мягкими». «Мягкое» же влияние предполагает признание субъективности, неполноты и внутренней ограниченности представлений каждого. При этом даже ситуативное влияние, основанное на реакции на общественные перемены, которые нельзя было предусмотреть, содержит подготовленные модели воздействия.

Дальнейшее развёртывание этого направление предполагает как углубление компаративных исследований в сфере соотношения воздействия и восприятия факторов социогенеза, так и особенностей влияния на его течение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Франк С. Л.* Духовные основы общества. – М. : Республика, 1992. – 511 с.
2. *Лихачев Д. С.* Экология культуры // Избр. труды по русской и мировой литературе. – СПб. : Изд-во СПбГУП, 2006. – 416 с.

3. Меликов И. М. Культура как олицетворение содержания общественной жизни // Ученые записки РГСУ. – 2010. – № 3. – С. 17-25.
4. Меликов И. М. Культура диалога культур как необходимость истории // Гілея. – 2014. – Вип. 82 (№ 3). – С. 311-314.
5. Шедяков В. Е. Экономическая власть и территориальное управление: по ступеням эпох культуры и цивилизаций // Культурная эпоха как предмет культурологического анализа: Тез. докл. Всерос. науч. конф. – Пермь, 1994. – С. 42-44.
6. Тойнби А. Д. Цивилизация перед судом истории. – М. : Прогресс, 1990 – 367 с.
7. Пролеев С. В. Культурно-исторические различия разума // Метаморфози свободи: спадщина Бердяєва в сучасному дискурсі (до 125-річчя з дня народження М. О. Бердяєва) // Український часопис російської філософії. Вісник Товариства російської філософії при Українському філософському фонді. – Вип. 1. – 2003. – С. 103-118.
8. Йоас Х. Возникновение ценностей. – СПб. : Алетейя, 2013. – 312 с.
9. Брозжик В. Марксистская теория оценки. – М. : Наука, 1982. – 184 с.
10. Шедяков В. Е. Ценности как феномен общественного сознания // Теоретические проблемы развитого социализма: Тез. Всесоюз. конф. молодых ученых. Секция 4. Социол. проблемы идейно-воспитат. работы. – М., 1984. – С. 27-30.
11. Шедяков В. Є. Продуктивне соціокультурне поле економічного розвитку [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://ua-ekonomist.com/6613-produktivne-socokulturne-pole-ekonomchnogo-rozvitku.html>.
12. Шедяков В. Є. Економічна свобода і духовно-ціннісна консолідація: завдання якісного соціального управління [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://ua-ekonomist.com/6434-ekonomchna-svoboda-duhovno-cnnsna-konsoldacya-zavdannya-yaksного-socalnogo-upravlnnya.html>.
13. Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. – М. : Наука, 1986. – 427 с.
14. Черникова И. В. Глобальный эволюционализм: (Философско-методологический анализ). – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1987. – 182 с.
15. Репина Л. П. Интеллектуальная история на рубеже XX-XXI веков // Новая и новейшая история. – 2006. – № 1. – С. 12-22.
16. Шедяков В. Е. Ценностные корреляты элиты и среднего класса: к вопросу о субъектности модернизационных процессов в регионах // Регионы в современном мире – 2014: Матер. Междунар. научно-практ. конф. – Пермь, 2014. – С. 26-29.
17. Шедяков В. Е. Постсовременная геополитика: социокультурное содержание, региональное измерение // Регион: проблемы и перспективы. – 1998. – №2-3. – С.45-53.

18. *Алексеев В. П.* Историческая антропология и этногенез. – М. : Наука, 1989. – 445 с.
19. *Къеза Д.* Прощай, Россия! . – М. : Изд-во Гея, 1997. – 272 с.
20. Круглый стол «Пресса и общество: что же с нами происходит?» // Регион: проблемы и перспективы. – 1997. – № 4. – С.4-14.
21. *Шедяков В. Е.* Ценностно-смысловые комплексы культурно-цивилизационного мира в контексте стратегии подготовки и реализации ответов на вызовы времени // ВУЗ. XXI век. – Ч.1. – 2014. – № 2 (45). – С.81-89; Ч.2. – 2014. – №3 (46). – С. 153-165.
22. *Шедяков В. С.* Ціннісно-сміслові комплекси: з минулого в майбутнє, від культури традиційної до постмодерної // Економіст. – 2014. – № 8 (334). –С. 4-5 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://ua-ekonomist.com/8173-cnnsno-smislov-kompleksi-z-minulogo-v-maybutnye-vd-kulturi-tradicynoyi-do-postmodernoyi.html>.
23. *Шедяков В. С.* ЦСК в атаці та в обороні [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://ua-ekonomist.com/3835-csk-v-atac-ta-v-oboron.html>.
24. *Шедяков В. Е.* Ценностно-смысловые комплексы в осуществлении стратегического управления на основе мягкой силы // Екзистенційні та комунікативні питання управління: Матеріали Міжнар. наук.-практ. конф. Частина 1. – Суми, 2014. – С. 80-84.
25. *Лосев А. Ф.* Мифология // Философская энциклопедия. – Т. 3. – М. : Государственное научное издательство «Советская энциклопедия». – 1964. – 588 с.
26. *Фуко М.* Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 уч. году. – СПб. : Наука, 2005. – 312 с.
27. *Красин Ю. А.* Социальное неравенство как политическая проблема // Полития. – 2007. – №2. – С. 83-91.
28. *Красин Ю. А.* Гордиев узел социальной политики / Ю. А. Красин, В. А. Медведев // Социологические исследования. – 2007. – № 11. – С. 23-29.
29. *Шедяков В. Е.* Роль стимулирования в реализации социалистического принципа социальной справедливости // Экономические формы реализации социального равенства при социализме / Под ред. С. Тютюнниковой [Депонированная рукопись]. – Х., 1987. – 243 с. – Деп. в ИНИОН АН СССР 2.10.87, № 31365 // Новая советская литература по общественным наукам. Экономика, 1988. – № 3. – Гл. 3. – С. 128-157.
30. *Тютюнникова С. В.* Ценностный аспект экономического стимулирования / С.В. Тютюнникова, В.Е. Шедяков [Депонированная рукопись]. – Х., 1987. – 53 с. – Деп. в ИНИОН АН СССР 23.06.87, №29987 // Новая советская литература по общественным наукам. Экономика, 1988. – № 1.
31. *Шедяков В. Е.* Укрепление социальной справедливости и развитие творчества // Научно-технический прогресс и научное творчество:

- Тез. Всесоюз. чтений памяти акад. Б.М. Кедрова. — Свердловск, 1988. — Ч. 2. — С. 76-80.
32. *Шедяков В. Є.* Можливості ефективної організації та стимулювання бажаних трансформацій // Сучасна українська політика. Політики і політологи про неї. — 2010. — Вип.19. — С. 327-338.
 33. *Короткова М. Н.* Информационное общество: новая государственная политика в области Интернета // ВУЗ. XXI век. — 2014. — № 1. — С. 79-86.
 34. *Сляднева Н. А.* Современный человек в виртуальном мире: проблема информационно-аналитической культуры личности // Евразийский вестник. — 2003. — № 22. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://e-journal.ru/kultura-st1-22.htm>.
 35. *Жичкина А. Е.* Социально-психологические особенности общения в Интернете. — М. : Дашков и Ко, 2004. — 117 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/refinf>.
 36. *Lehman J.* The Overton Window // Mackinac center for public policy. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mackinac.org/OvertonWindow>.
 37. *Ершов Е.* Окно Овертона как оружие для правых или почему хорошо, что мы разные [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://LiveJournal.com> : Запись в сетевом дневнике. — 20 января 2014.
 38. *Параг Ханна.* Как управлять миром. Власть в XXI веке. Кому она будет принадлежать?. — М. : ООО «Издательство Астрель», 2012. — 320 с.
 39. *Хардт М.* Множество: война и демократия в эпоху империи / Майкл Хардт, Антонио Негри. — М. : Культурная революция, 2006. — 559 с.
 40. *Матвейчев О. А.* Уши машут ослом. Сумма политтехнологий. — М. : Эксмо, Алгоритм, 2009. — 640 с.
 41. *Гусев Д. Г.* Уши машут ослом. Современное социальное программирование / Д. Гусев, О. Матвейчев, Р. Хазеев, С. Чернаков. — Пермь : Alex J. Bakster group, 2002. — 192 с.
 42. *Доти Д.* Паблсити и паблик рилейшнз. — М. : Филинь, 1988. — 283 с.
 43. *Левинсон Д. К.* Партизанское паблсити: Сотни беспроигрышных тактик / Д. К. Левинсон, Р. Фришман, Дж. Люблин. — М. : ФАИР-ПРЕСС, 2004. — 320 с.
 44. *Кошелюк М. Е.* Эффективное PR-мышление: Мастер-класс для начинающих и профессионалов. — М. : Альпина Бизнес Букс, 2008. — 216 с.

Шедяков В. Місце феноменів культури в процесах антропосоціогенезу та здійснення соціальних трансформацій.

Розглянуто особливості, можливості та обмеження дії різних факторів соціогенезу під тиском традиційного, модерного та постмодерного становища культури. Проаналізовано формування під впливом базових ціннісно-сміслових комплексів співвідношень між

суб'єктивними і об'єктивними, раціональними та ірраціональними чинниками здійснення окремими культурно-цивілізаційними світами історичних Виборів. Духовні та матеріальні цінності цивілізації розглянуті як основний зміст культури. Їх розвиток проаналізовано як показник стану культурно-цивілізаційного світу; а місце людини (насамперед, якість і тривалість життя, права і можливості творчої реалізації кожного), з одного боку, збереження і нарощування ознак цивілізованості, з іншого, – як основні критерії прогресу. У контексті рис активної меншини соціуму вивчено характеристики суб'єктності суспільних трансформацій. З цих позицій розглянуто зміст регулятивних впливів управлінської еліти, її відповідності завданням, що постають перед суспільством.

Ключові слова: ціннісно-сміслові комплекси, культура, соціогенез.

Shedyakov V. The place of culture's phenomena in processes of antroposociogenesis and social transformations realizing.

The features, capabilities and limitations of various factors sociogenesis under the pressure of traditional, modern and postmodern culture status are examined. The forming correlations between subjective and objective, rational and irrational factors of the cultural and civilizational world's historic election under the influence of the base value and meaning systems is analysed. Spiritual and material values of civilization are considered as the main content of culture. Their development is analysed as an indicator of the state of culture and civilization of the world; and man's place (especially the quality and length of life, rights and opportunities for the creative implementation of each), on the one hand, maintaining and increasing signs of civilization, on another one, – as the main criteria for progress. With regard to the features of an active minority of society studied characteristics subjectivity of social transformations. From this perspective, consider the content of the regulatory impact of the managerial elite, its adequacy to the tasks facing society.

Keywords: value-semantic systems, culture, social genesis.

Voronkova V., Maksimenyuk M., Nikitenko V.

**HUMANISTIC MANAGEMENT
IN THE CONTEXT OF PHYLOSOFIC ANTHROPOLOGY:
HUMAN DIMENSION**

The subject of research is the perception of human dimension as the anthropological aspect of humanistic management, based on the interrelations between man, government, society. The paper describes the evolution of views on man in the context of anthropological foundations of humanistic management; it is noted that the development trends of the philosophical and